

Влад Потёмкин
Любовь к императору

Влад Потёмкин

Любовь к императору

«Издательские решения»

Потёмкин В.

Любовь к императору / В. Потёмкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901878-6

Уважаемый сенат!!! Государь наш и Бог повелевают!!! Это приветствие означало, что заседание сената можно считать открытым. Фабий Максим Старший получил своё прозвище, преследуя Ганнибала. Полностью копируя путь карфагенянина. Все подтрунивали над ним, величая «дядькой Ганнибала». — Хрисафий Этомма, — любезно произнёс Валерий. — Мы в Константинополе впервые и никого не знаем. Да и нас соответственно, тоже никто не знает. Если только не брать во внимание нашу сестру императрицу Евдокию.

ISBN 978-5-44-901878-6

© Потёмкин В.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА I	6
ГЛАВА II	8
ГЛАВА III	11
ГЛАВА IV	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Любовь к императору

Влад Потёмкин

© Влад Потёмкин, 2017

ISBN 978-5-4490-1878-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА I

Поиск на Земле, который «ХРАНИТЕЛЬ ДУШ» намеревался исполнить, без каких либо трудностей, затянулся. Надо было определить время, но время ему определить, так и не удалось. Импульсы, на которые, он так рассчитывал, пропали. Нет, они конечно были, но он не мог уловить их локацию. Надо было взять след. А для этого перенестись обратно в «ХРАНИЛИЩЕ» или же в прошлое и оттуда возобновить поиск. «НА ВЕРХ», в ближайшее время, ему уже было нельзя, а ждать – чревато – оставалось прошлое...

– Выйти на след, хотя бы одной Души, – рассуждал Ангел, – а дальше будет легче.

Он прекрасно помнил, что одна из Душ до этого гостила в оболочках царственных особ Клеопатры и Евдокии с не большими разрывами во времени, всего в каких-то – лет... четырёхстах.

Евдокия занималась открытием университета. Она устала, но искры радости от выполненной работы её вдохновляли на столько, что она не чувствовала этой усталости.

– Зачем тебе это? – спросил муж.

– Феодосий! Ведь я тебя люблю! – ответила она.

Император растаял в лучезарной улыбке.

– Умными людьми управлять легко, – добавила она серьёзно. – И они сделают для Византии больше пользы, нежели безграмотные. Пусть, даже, и очень старательные и преданные.

– Тебе это доставляет удовольствие? – Феодосий Флавий любовался своим счастьем.

– Очень!! – сияя белоснежной улыбкой, честно призналась жена.

– Вот, поэтому, ты, и настаиваешь – на открытие университета, ещё и в Армении?

– Армения постоянно встаёт раздором между нами и Персией. Это потому, что сами армяне не видят блеска Империи?

– Учение свет! – поддержал её император.

– Открытие университета, как раз и прольёт этот свет в сознании армян и они сами решат – «с кем им быть» – с Западом или с Востоком?

– Надеюсь, ты, не отправишься на восток – руководить процессом? От закладки первого камня до полного возведения здания? – Этот вопрос звучал больше, как подвох – Евдокия предпочитала сама руководить процессом «от и до».

– Не знаю, – августа мило улыбнулась и добавила. – Это зависит от того – пустит ли меня туда, мой муж?

Феодосий воссиял, ещё более радостно, чем прежде.

– Хватит в нашей семье уже каменщиков, – категорично заявил супруг. – Я строю стену, ты университет!

Император, уже несколько лет, строил крепостную стену вокруг Константинополя.

– Хотя, ты, своё детище возвела, – добавил он, – а я вот – ещё нет.

– Тебе помочь?.. – озарённая счастливой улыбкой предложила жена.

– Спасибо, – поблагодарил Флавий. – Я как-нибудь сам!

– Зря!.. – на распев, продолжая лучезарно улыбаться, продолжала жена. – Ты, лишаешься великого плотника-фундамент укладчика! И с не малым опытом!

– Я нашёл тебе помощника. Мужа учёного, уважаемого и очень даже, именитого в Армении по имени Маштоц Мисроп.

– Он справится?..

– Я думаю да?! – уверил её муж. – Да, вы, ваше высочество должны его знать?! Он был при нашем дворе со своими предложениями канонов просвещения.

– Да, я помню его, – ответила императрица и добавила. – Он создал алфавит.

– Вот видишь?! – обрадовался император, видя, что супруга согласна с его кандидатурой. – Пусть он командует... и каменщиками! И плотниками! С тебя уже хватит!!

– Спасибо, – восторженно поблагодарила Евдокия.

– Тебе подарок, – Феодосий протянул жене маленький свёрток на своей ладони.

В свёртке оказалась шкатулка из дерева красного цвета. На крышке на фоне неба были изображены белые тучи кучевых облаков и два аиста летящие друг другу на встречу.

Эту шкатулку, он сегодня купил в ювелирной лавке, а стихи, вложенные в этот ларчик, написал сам. Они были о любви. И, очень личные... А заканчивались так:

«Наше общее желанье,

Вместе быть всегда, всегда

Пусть наша любовь будет звучаньем

Двух сердец, поймавших счастья миг.

Аминь»

Все время, пока императрица читала, улыбка не сходила с её лица. Она прекрасно понимала – чьё это творчество? Стихи по стилистике и манере изложения, уступали поэтам, с которыми ей доводилось общаться в кружках и на диспут вечерах. Но то, что они были написаны искренне и от души, Евдокия не сомневалась. Она сама писала поэму. Поэму о, только что, завершившейся персидской войне и прекрасно знала: «Что такое писать?»

Факелы освещали лестницы дворца, залы и все прилегающие парки, предавая им, сверхъестественный ярко-багровый вид. Богатая драпировка колыбалась в такт языкам пламени. Трепетные звуки музыки доносились не понятно откуда. Запахи благовоний не видимым обонянием окутывали со всех сторон, проникали внутрь, погружая в лоно немислимой неги.

Дочитав, Евдокия улыбнулась ещё раз, и, поцеловав мужа, сказала:

– Спасибо.

Невдалеке зазвучал колокол. Его звуки медленно растворялись по местности и сознанию императрицы. Голова закружилась от счастья.

– Я люблю тебя, – услышала она и эти слова были также приятны ей, как отголоски, разбегающейся по телу звучания звонницы. Утопая в ауре радости и упоения, женщина прижалась к нему ещё крепче, положив голову на плечо. С гобелена на неё смотрели лебеди, кивая своими миниатюрными головками на длинных красивых шеях. Они радовались её счастью.

– Как хорошо, – подумала Евдокия и поцеловала мужа ещё и ещё, отвечая на его поцелуи. Птицы с гобелена, в такт её чувствам, продолжали кивать.

Смотря на них и любясь ими, Ангел-Хранитель прекрасно понимал, что он «не вовремя». Присутствие Феодосия, могло внести дополнительную путаницу и не добавить ничего определённого в поиске – «взятия следа». Хранитель решил: «Прилететь сюда, ещё раз». Когда императрица будет одна. А сейчас решил – им не мешать. Пусть даже косвенно. Довольный их счастьем он упорхнул в небо.

Полный хорошего настроения Ангел набирал высоту. Единственное, что угнетало и настраивало его, это то, что он давно не посещал Феодосия и его сестру Пульхерию.

– Прилечу сюда ещё раз, – пообещал он сам себе, продолжая разрезать ВЫСЬ.

ГЛАВА II

Византийский император Феодосий и его сестра Пульхерия были давними друзьями Ангел-Хранителя. Ангел предложил детям называть его тайным именем «Локки», чтобы никто не догадался об их дружбе и секретных встречах. Но с обязательным звучанием двойного «К». Позже, малыши придумали ему своё имя – «Барабаш» и иногда, совсем редко, звали «Пройдоха», за его хитрости и уловки, к которым он прибегал, пытаясь склонить их к послушанию. Ангел-Хранитель принял новые имена, как должное, и дорожил ими, вписав в свой послужной список, как великую заслугу.

Хранитель старался, как можно, чаще навещать брошенных царственных чад. Их родители, отец Аркадий и мать Элия, не особо-то баловали своих деток. Они больше предпочитали забавляться сами, взяв к себе для компании, ещё и придворного красавца Иоанна. Иоанн стал откровенным любовником императора и тайным императрицы. Даже сама императрица Элия сомневалась: «Чей Феодосий сын – Аркадия или же Иоанна?..»

Понимая, что сцены взрослых, увиденные детьми случайно, могут восприниматься им, только как насилие, Ангел старался, как можно больше времени проводить рядом с ними.

Пытаясь, уложить их спать, он прибегал к разным уловкам. Придавал делу серьёзный оборот. И даже пугал их страшилками, если они не уснут. Напускал на себя грозный вид, но все равно ничего из этого не получалось. Искры детского озорства продолжали сверкать в его глазах, а губы, расплывшиеся в улыбке, окончательно выдавали им задуманный план. Не удавшееся мероприятие, ему приходилось выполнять – рассказыванием сказок и рассказов, про «чудищ-юдищ», «кикимор»... и всякую нечисть, о которой он знал далеко не понаслышке.

Локки, как правило, всегда появлялся незаметно. Поиграв с детьми и рассказав им сказку, он улетал, после того, как они засыпали. Но, ощущение маленького чуда и волшебства всегда присутствовало при его появлении.

Пульхерия позже записала в своём дневнике. «Сказки его не имели «ни конца, ни начала». Они вспыхивали ярко и пугающе и также быстро сходили, на нет, но осадок трепетной напуганности оставался. Спрятавшись в ладошки, мы (дети прим. автора) подолгу боялись открывать глаза и открывали их, лишь утром – проснувшись.

Всегда получалось, что-то на подобии штор. Раздвинутых ветвей в дремучую чащу леса, в которой непременно обитал неведомый, страшный зверь. И обязательно, в этот самый момент, он был там. И обязательно рыкнув, оттуда из чащи, да так, что этот рык превращался в такой пугающий рёв!.. Что оцепенение, искажало наши лица и, оросив спину пугающими мурашками, разбегалось по всему телу, замирающим испугом. Но, звери эти, были на двух ногах и почему то, очень дряхлые – почти что истлевшие, сгорбленные, поросшие лишайниками и бородавками по всему сморщенному телу. В какую-то, самую неожиданную минуту. Самую не подходящую, из впавших глазниц вырывался яркий свет и вслед за лучом, вылетали полчища саранчи или же, сложив крылья треугольником, чтобы протиснуться в щели глазных впадин неслись тысячи летучих мышей, с таким угрожающим стрёкотом, что пошевелиться было страшно, а не то, что открыть глаза. А, где-то далеко, и тихонько-тихонько, подвывали волки или свистел соловей-разбойник, а то и просто – завывал ветер в трубе, под скрипы ветхих избушек – дышащих на ладан пристанищ леших и кикимор болотных. Но, по утрам – проснувшись, мы нечаянно открывали глаза и видели солнечный свет, лившийся в окна и, сожалели, что опять не дослушали вчерашнюю страшную историю про «чудищ-юдищ» до конца».

Однажды утром Феодосий обнаружил на одеяле маску клыкастого чудовища. Сначала он подумал.

– Откуда это? – но потом понял. – Это должно быть чудище забыло?

Маска была страшная, и он решил – напугать сестру. Брат спрятался с ней под одеяло, но слепок, так грозно рыкнул, пугающе зыркнул глазищами и угрожающе лязгнул клыками, что Феодосий испугался сам.

Локки намазал глаза и клыки маски фосфором. А с внутренней стороны привязал грушу, которая при нажатии издавала пугающий звук. Так, для детей закончился мир пугающих сказок-страшилок – они разом повзрослели, но продолжали любить и ждать неугомонного шалуна, которого уже всецело впитали в состав своей детской души.

И Локки продолжал появляться здесь – он чувствовал свою ответственность за них.

Когда умерли их родители (им тогда было восемь и четыре года) «Пройдоха» взял их под свою опеку, за что и поплатился в своём стане – потому, что пошёл против своих – Стилихон был, засланный ставленник «ТЪМЫ».

Император Феодосий Великий из рода Флавиев провозгласил христианство государственной религией, и империя понеслась на всех парусах, набирая обороты. Требовалось, срочное вмешательство и появился Стилихон. Он быстро вошёл в доверие Феодосия. Понравился императору тем, что ни когда не унывал. В тоже время ни кому не доводилось видеть его – ни поникшим, ни смеющимся.

Когда Флавий назначил его в числе послов в Персию, Стилихон очень серьёзно отнёсся к этому вопросу, не смотря на свою молодость.

– О чем, ты, все думаешь? – спросил его Феодосий.

– Я думаю: «Как мне персам задать, то, что задавать им не следует?»

Не по возрасту здравые рассуждения очень понравились императору Феодосию Великому.

– Чего ты хочешь от жизни? – поинтересовался император.

– Ничего, – ничуть не смущаясь, ответил юноша, – всего лишь служить вашему величеству, быть вашим крёстным сыном и носить вашу фамилию.

Незамысловатая просьба растрогала чувствительного владыку. Все просили денег, власти, богатства. Умопомрачительное золото было у всех на уме, этот же не просил ничего и стал Стилихон Флавием.

Стилихон был человеком рассудительным и не терпел мальчишеского бахвальства. Уже по пути следования до границы он стал расти. А когда они добрались до персов, умудрился – из клерка при посольстве стать командиром сводного отряда при основной армии. Он всегда действовал степенно, лаконично и коротко.

Однажды новоиспечённый Флавий окружил город. Его помощник предложил ему сообщить об этом неприятелю: «Пусть знают – кто командует их осадой?» на что он спокойно ответил:

– Зачем?.. Они, ведь, меня не знают?

Город, после его переговоров, сдался, и отряд присоединился к основным силам. Все, только и, говорили об этом. Что взбесило, одного, довольно таки вздорного, по своей природе, командира соседнего соединения. Подвыпив, он стал вызывать Стилихона на дуэль, предлагая на выбор любой вид оружия.

– Кто ты? – орал дуэлянт. – Ратник?? Лучник?? Конник??

– Я умею ими всеми командовать!.. – спокойно заявил Флавий Стилихон и предложил дебоширу проспать. Позже, он дал денег одному громиле, и тот зарубил его.

Подступая к городу, Стилихон всегда брал его в осаду и вступал с горожанами в переговоры. И, ценою золота и лести, договаривался.

– Почему, вы, выделяете меня среди всех горожан? – задавал такой вопрос каждый наместник осаждённого города, получая взятку золотом.

– Потому, что, вы, здравый!.. Прекрасный и добрый, – отвечал центурион каждому, и ворота открывались перед ним. Он, тут же, забирал золото обратно и, оставив не большой

гарнизон, шёл к следующему городу. Карьера его росла, как на дрожжах. Воины от такой войны роптали. Они рассчитывали на грабежи и мародёрство. Кто-то из злопыхателей, нарисовал картину: «Стилихон спит, а города сами попадают в его сеть». Картина гуляла по лагерю и попала на глаза новоиспечённому полководцу.

– Это же надо? – восхитился он, пытаясь не замечать неприязни. – Если я сплю и уже наловил столько городов?! А, что будет, если я проснусь?..

Он старался не вступать не в какие стычки. А когда его помощник стал бравировать перед ним своими шрамами, то в ответ заявил:

– А мне было так стыдно, когда рядом со мной упал камень обороняющегося противника, пущенный из катапульты, – так описал Стилихон один из своих боёв. Он, по причине своей близорукости, велел перенести командный пункт ближе к крепостным стенам, чтобы лучше видеть ход штурма. Своим долгом, он считал видеть стратегию боя, хотя бы на шаг вперёд.

– Знать дела врагов и уметь читать ход мысли неприятеля многого стоит, – считал Стилихон. Он был убеждён: «Роль вожака, есть – первооснова побед».

– Стадо оленей во главе со львом страшнее, чем стадо львов во главе с оленем?.. – говорил он. При этом ни когда старался не исключать из обихода военных действий влияние золота. По его глубокому убеждению, командир, погибший в бою, куда большее зло для армии. Последствия такой потери могут быть просто катастрофическими, если во время не найдётся тот, кто его заменит.

При всем своём даровании и таланте он был довольно великий гнус и садист. И очень любил быть на пытках. Если кто-то стойко держался, не давая показаний, он всегда говорил:

– О?!! Какой опасный злодей, если даже под пытками выказывает такое упорство???

После войны и подписания удачного договора с Персией император женил его на своей племяннице. Теперь император Флавий был уже не нужен. Но, предсмертное завещание спутало все карты. Срочный план завладения трон рухнул. Только «тёмные силы» наверху не расстраивались, видя, сей факт уже свершённым, и вождельно потирали руки. Расстроился, лишь исполнитель. Стилихон прекрасно понимал – век человека короток, а плоды его стараний утекали сквозь пальцы.

По завещанию императора Феодосия Великого – Восточная часть империи досталась старшему сыну – семнадцатилетнему Аркадию со столицей в Константинополе. Западная империя малолетнему Гонорию, со столицей в Риме. Опекуном над своими малолетними детьми – сыном Гонорием и дочерью Галлой Плацидией умирающий император назначил военного министра Стилихона.

Магистр милитаризация, тут же, начал, что-то делить и под шумок оттяпал у Аркадия Иллирику. Римский Сенат поставил на вид о не законных захватах римских же территорий, и опекуну пришлось внять требованиям сенаторов. Однако, Далмации он не отдал. А несовершеннолетний Константинопольский император Аркадий был занят – только делами, далеко, не государственными.

Из сложившейся ситуации Силихон сделал правильные выводы: «Военный министр – это ещё – не всё?! Какие бы заслуги ты не имел перед империей». Тогда, для своей весомости при дворе, он выдал замуж свою дочь Марию за императора Гонория.

ГЛАВА III

Локки прекрасно понимал: «Смерть императора Аркадия, всколыхнёт этот неустойчивый мир. И возгорится с новым желанием безумная деятельность, притихшего до поры-до времени Стилихона, что трагически отразится на жизни не только Феодосия и Пульхерии, но и на жизни императора Гонория и его сестры Галлы-Плацидии.

– Пошёл вон! – отмахнулся от него византийский император Аркадий, как от приведения, требующего от него чего то несусветного.

Но, Барабаш не привык сдаваться.

– Я бы, хотел Вас спросить: «Чего, Вы, хотите?? – задал «Пройдоха» вопрос совершенно не праздный. Он смотрел Аркадию, прямо в глаза. – Ты, ищешь погибель для Византии?

Локки настаивал перед Аркадием, чтобы тот подписал прошение к шаху персидскому о перемирии. И более того, чтобы шах, стал опекуном его несовершеннолетних детей.

– Просить своего врага о таком?

– О каком – таком?.. Твоя погибель, это твоё дело!! А вот погибель страны??? – «Пройдоха», развёл руками. – Не тобой она собиралась, чтобы ты её, вот так, рас тренькал. Ублажая себя и, утопая в своих мелких амбициях!!

– Я не против величия Византийской империи!!

– Но, погибель твоих чад?!! Это и есть – падение империи!

– Я не могу, пойди на такое!

– Император, ты, должен подписать это, – настаивал Ангел-Хранитель. – Я в ответе перед твоим отцом за всё, что происходит на земле.

Аркадий противился, ему не позволяла гордость – просить врага о снисхождении.

– Шах персидский?.. Враг РИМА!!! И на тебе... Опекун?! Над моими детьми??

«Пройдоха» неумолимо смотрел на него, не зная, что и сказать. Он прекрасно понимал Аркадия, но ничего другого предложить не мог.

– Над ними есть опекун!! – император продолжал противиться. – Антемий, чем не опекун??

– Опекун! – согласился Локки. – Но, он – не такая – то уж и гроза, для константинопольской знати. А шах для них гроза!!

– Гроза, – согласился Флавий.

– А для Стилихона и он не гроза!!! На него надо искать другую узду!

– Где такую узду найти то??

– Совершенно верно!! Управы такой нет!.. Если только, смерть...

Аркадий выкатил на гостя удивлённые глаза, полные испуга и недоумения.

– Да будет тебе рожа то кривить!! Подписывать будешь?..

– Нет! – отрезал больной.

– Нет?!! Нет, так нет... Мы и сами с усами. Где твои бумаженции?... – Локки принялся рыться на письменном столе Флавия.

– Какие бумаженции?... – засуетился умирающий.

– Какие бумаженции?... Да твои – указы, которые, ты, плодишь бесчисленно?

– Не вздумай, – завопил государь, хватая ртом воздух, которого ему, почему-то вдруг стало так не доставать. Он понял, что Локки хочет подделать его подпись и отправить послание шаху Йездигерду от его имени.

– Да не визжи, ты, – Барабаш продолжал искать нужный ему документ, но попадались, лишь какие-то наброски без подписи.

– На этом стоит моя честь, – выдавил император Аркадий и осел – неподвижно, уставившись в мозаичный орнамент на потолке со сценой «СУДА БОЖЬЕГО».

– Честь твоя, от этого не пострадает, – заверил его «Пройдоха».

Локки, найдя, что его интересовало – подписал, по образу и подобию с оригиналом, договор о перемирии и опекуновское прошение и, со словами:

– Да упокоится Душа твоя с миром, – он проводил Душу раба Божьего Аркадия в Хранилище. Закрыв ему глаза, Ангел улетел в открытое окно.

ГЛАВА IV

Персия в войне с Византией имела перевес. Йездигерд удачно отвоевал, когда-то хитростью Стилихона, оторванные земли, по Тигру и Евфрату и вступил в пределы «Второй Арменнии».

Успешно воюя города и целые территории он, не спешил принимать римского посла.

– Пусть подождёт, – заявил шах, отказывая посланнику в аудиенции.

– Но, он, очень просил, – осторожно вставил визирь.

Визирь получил от легата не плохой подарок и решил его с честью отработать, рассчитывая, в тоже время, на не меньшее дополнение, в случае положительного исхода. Поэтому отказ для него был, словно гром средь бела неба, по его воздвигнутым надеждам.

– Пусть подождёт, – настоял Йездигерд.

Но, Локки ждать не мог. Он влетел в окно, как обычно делал, в таких случаях.

– ВАШЕ, ШАХСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО!!! ВЛАДЫКА МИРОВ И ЦАРЬ НАД ЦАРЯМИ!!!

Шах не успел, опомниться, а Локки продолжал, осыпать его титулами и пожеланиями.

– Да, продлиться царствие рода твоего!! Я прошу прощения, но, мой повелитель – император Аркадий, преклоняется перед вами и восхищается величием побед ваших и вашей властью над миром. Умирая, он просил Вас снизить, до его милости и взять на попечение чад его малолетних – императора Феодосия и августу Пульхерию. Ибо не видит он ни кого в мире, кто бы мог быть заступником детей его осиротевших.

– Император Аркадий умер? – вселенская скорбь запечатлелась на лице перса.

Доверие Аркадия настолько растрогали сердце шаха, что он даже не посмел гневаться, за дерзость в нарушении этикета приёма и его слушание.

– Хорошо! – после не которого молчания, заявил царь персов. По его расстроенному лицу было видно, что он искренне переживает о случившемся. – Я принимаю перемирие. И отныне, между Персией и Римом, не будет ни каких распрей!

– Щедрость шаха не имеет границ, – излил «Пройдоха», склоняясь в низком поклоне.

– А как я могу осуществить свою опеку над юным императором и принцессой? – поинтересовался шах, после некоторого молчания.

– Я думаю, Вам, надо послать письма ко дворам – Константинопольскому и Римскому, о каре последующей за притеснение императорской четы.

– А кто, при дворе Константинопольском будет внутренним опекуном?

– Антемий.

– Антемий?.. Знаю! А в Риме царь Гонорий, все также слушает советы Стилихона?

Да!.. Там военный министр всем заправляет!!

Шах ничего не ответил, но озабоченность, выразилась на его лице. Он в растерянности оторвал виноградину и положил себе в рот. Как влиять на Стилихона, он не знал. Но то, что римский опекун цепкий паук Йездигерд помнил.

– Как Стилихону удалось заключить такой договор с Персией? – спросил Локки, имея в виду – тот самый договор, который и позволил простому чиновнику взлететь до высот главнокомандующего всеми вооружёнными силами римлян.

Договор для Рима был очень выгодный – Персия согласилась на невероятные уступки. Уступить территорию, где ступила нога римских сандалий – это понятно, но были уступлены земли, где легионов не было и в помине – за Тигром и Евфратом?? В знак великих заслуг перед государством император Феодосий Великий, женил Стилихона на своей племяннице Серене и ввёл его в семью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.